

Irina Kiturko

Таможенная люстрация 1769 г. на границе с Пруссией и Курляндией в реализации экономической политики Скарбовой комиссии ВКЛ

Wieki Stare i Nowe 7(12), 63-82

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ирина Китурко

Гродно

Таможенная люстрация 1769 г. на границе с Пруссией и Курляндией в реализации экономической политики Скарбовой комиссии ВКЛ

Люстрации (ревизии) — мероприятия по учёту государственного имущества в ВКЛ. До второй половины XVIII в. они проводились в основном в столовых экономиях, старостах и державах с целью определения размеров доходов, которые поступали от их эксплуатации в казну.

Изменения в этот процесс были внесены решениями Конвокационного сейма 1764 г., на котором было положено начало активной интеграции государственных институтов в экономическую жизнь. Важным шагом на этом пути стало создание на сейме Экономической Рады Литовского скарба или Скарбовой комиссии ВКЛ. В состав Скарбовой комиссии, которую возглавлял великий литовский подскарбий, входили ещё два человека из Сената и семь комиссаров — шляхтичей, которых выбирали на сейме. За свою службу они получали денежное жалование из казны и не должны были принимать никакого другого вознаграждения. Главной обязанностью членов Экономической Рады было отстаивание экономических интересов государства: контроль за финансами, распределение и сбор налогов, осуществление судебных функций по финансовым делам, назначение государственных служащих (официалистов) и снятие с должности тех, кто плохо выполнял свои обязанности, контроль за организацией торговли и вообще за состоянием экономики в стране¹.

Вместе с этим расширилось значение термина „люстрация” — он начал употребляться не только в отношении ревизии государственных владений,

---

¹ *Volumina legum*. Т. 7. Petersburg 1860, s. 76.

но и распространился на другие сферы экономики, в первую очередь те, где государство имело финансовый интерес: люстрация дорог, мостов и плотин²; люстрация чопового и шеляжного³; люстрация пивоварен, шинков и различных питейных заведений⁴, люстрация дымов⁵, люстрация таможен.

Необходимость финансовой стабилизации и увеличения поступлений в казну потребовали в середине XVIII в. усиления контроля со стороны государства над всеми источниками возможных доходов, важное место среди которых занимали и доходы от таможенных пошлин. В соответствии с постановлением (конституцией) Конвокационного сейма 1764 г. ликвидировались все частные таможенные пункты и пошлины, и вводилась так называемая Генеральная пошлина⁶, для взимания которой требовалось создание специальных структур в системе государственной таможенной службы.

Вопрос об организации таможенной службы ВКЛ в XVIII в. в историографии изучен недостаточно. Научный интерес в исследовании данного вопроса принадлежит представителям польской исторической школы. Однако необходимо отметить, что исследователи, которые занимались и занимаются общими вопросами состояния государственной финансовой системы Речи Посполитой в указанный период, специально не акцентировали внимания на развитии таможенной системы ВКЛ⁷.

Впервые на эту проблему обратил внимание известный польский историк Тадеуш Корзон в своём фундаментальном исследовании *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794)*⁸. Изучая вопросы финансового состояния Речи Посполитой во второй половине XVIII в., автор не мог обойти вниманием функционирование таможенной системы, эффективная деятельность которой способствовала увеличению поступлений в государственную казну. Однако данные относительно таможенной службы ВКЛ, которые содержатся в работе Т. Корзона, касаются преимущественно 1780-х годов и не затрагивают вопросов, рассматриваемых в данной статье.

² Ibidem, s. 79.

³ Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (Литовский государственный исторический архив, далее: LVIA), f. 11, ap. 1, bib. 1220, l. 43 v.

⁴ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 991, l. 276 v.; bib. 1220, l. 44, 71.

⁵ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 1332.

⁶ *Volumina legum...*, s. 78—79.

⁷ См.: G. BAŁTRUSZAJTYS: *Podział czynności komisarzy Komisji Skarbu Koronnego z roku 1766*. „Rocznik Dziejów Społecznych i Gospodarczych” 1972, t. 32; IDEM: *Sądownictwo Komisji Skarbowych w sprawach handlowych i przemysłowych 1764—1794*. Warszawa 1977; E. DANOWSKA: *Komisja Skarbu Koronnego — zakres władzy i odpowiedzialności*. „Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie” 1996, R. 41.

⁸ T. KORZON: *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794)*. T. 4. Kraków—Warszawa 1897, s. 241—287.

Некоторые сведения содержатся в монографии другого польского исследователя Романа Рыбарского *Skarbowość Polski w dobie rozbiorów*⁹. Достаточно подробно описав организацию коронной таможенной службы и её развитие во второй половине XVIII в., автор отметил, что располагает значительно меньшим количеством информации про административный таможенный аппарат ВКЛ. По признанию самого автора, он не использовал в работе документов виленского архива, в частности, материалов Скарбовой комиссии ВКЛ¹⁰, и в этом аспекте своего исследования Р. Рыбарский в основном базировался на данных 1788—1790 гг., которые были обработаны и изданы Бутримовичем¹¹.

Представление о состоянии таможенной службы ВКЛ во второй половине XVIII в. значительно расширил ещё один польский ученый Станислав Костялковский в двухтомном исследовании *Antoni Tyzenhauz. Podskarbi Nadworny Litewski*¹², который ввёл в научный оборот широкий источниковедческий материал архива Скарбовой комиссии ВКЛ. Но изучение организации таможенной службы также не являлось целью его исследования и интересовало учёного исключительно с точки зрения участия Антония Тызенгауза в деятельности Скарбовой комиссии ВКЛ (1765—1780 гг.).

Некоторые сведения по данной теме приводятся в научно-популярных работах гродненского историка-краеведа Виктора Саяпина¹³, который опирался в основном на опубликованные источники и историографию.

Вместе с тем источниковедческая база вопроса организации таможенной службы на землях ВКЛ во второй половине XVIII в. достаточно широкая. Данная статья посвящена изучению комплекса источников, касающихся только одного мероприятия — люстрации таможен на границе ВКЛ с Пруссией и Курляндией в 1769 г., которая не исследована в историографии и лишь фрагментарно упоминается в работе Ст. Костялковского¹⁴.

Проведение данной люстрации было инициировано Экономической Радой Литовского скарба и стало первым известным государственным мероприятием такого рода в отношении таможен на территории ВКЛ.

К концу 60-х годов XVIII в. в ВКЛ оформилась определенная структура организации таможенной службы. Вся территория государства была разделена на округа — репартиции, в состав которых входили таможни (коморы), прикоморки, оберстражи и стражи.

⁹ R. RYBARSKI: *Skarbowość Polski w dobie rozbiorów*. Kraków 1937.

¹⁰ Ibidem, s. 3.

¹¹ Ibidem, s. 73.

¹² S. KOŚCIAŁKOWSKI: *Antoni Tyzenhauz. Podskarbi Nadworny Litewski*. Т. 1—2. Londyn 1970.

¹³ В.Ю. Саяпин: *Пять веков Гродненской таможенной службы*. Гродно 2003; ИДЕМ: *Таможенная служба. В двух книгах*. Кн. 1: *Мыто и мытники*. Гродно 2005.

¹⁴ S. KOŚCIAŁKOWSKI: *Antoni Tyzenhauz...*, Т. 2, s. 136—137.

Во главе репартиций стояли контрарегистранты. Они осуществляли общее управление своим таможенным округом и несли персональную ответственность за размеры и своевременность сбора таможенных пошлин. Контрарегистранты имели право предлагать кандидатов на должности руководителей таможенных комор в своей репартиции — суперинтендантов, а также писарей.

Суперинтенданты непосредственно отвечали за порядок на коморах и закреплённых за ними прикоморках, оберстражах и стражах: они следили за тем, чтобы таможенный досмотр проводился в соответствии с правилами и инструкциями, за правильным ведением таможенных реестров и взиманием пошлины. Они имели в подчинении других должностных лиц — писарей, оберстражников, пеших и конных стражников.

На коморах и прикоморках осуществлялся таможенный досмотр и выдавались квитанции об уплате таможенной пошлины (мытные квиты). На таможенных пунктах, которые назывались стражами, стражники должны были следить за тем, чтобы проезжающие купцы в обязательном порядке походили таможенный досмотр, не объезжали коморы тайными путями, проверять наличие у них мытных квитов и, в случае отсутствия таковых, отправлять купцов в ближайшие коморы или прикоморки. В 1767 г. в структуру таможенной службы были введены оберстражи, на которых оберстражники получили право проводить досмотр купцов с небольшим количеством товара, оцениваемым не более чем в 50 польских золотых¹⁵.

Общее руководство государственной таможенной службой ВКЛ осуществляла Скарбовая комиссия. Одной из её главных задач была такая организация таможенной службы, которая бы являлась наиболее эффективной и содействовала увеличению доходов скарба. С этой целью комиссары Скарбовой комиссии изучали материалы, которые поступали непосредственно с таможен: донесения контрарегистрантов и суперинтендантов, отчёты о полученных доходах от взимания пошлины, а также жалобы купцов на злоупотребления, совершаемые служащими таможен. В 1769 г. Скарбовая комиссия приняла решение о проведении независимой оценки работы мытных комор. Первым мероприятием, которое положило начало реализации этого решения, стала люстрация комор, расположенных на границе с Пруссией и Курляндией, поскольку именно они приносили наибольший доход.

Скарбовая комиссия поручила провести данную ревизию одному из своих комиссаров, подкоморию Упитского повета Ежи Лепарскому. Для него была подготовлена развёрнутая инструкция, текст которой был внесён в специальный документ — Экономический протокол указов и распоряжений под датой 11 января 1769 г.¹⁶.

¹⁵ LVIA, f. 11, ap. 2, bib. 88, l. 12.

¹⁶ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 112, l. 203 v.— 208 v.

В преамбуле к данной Инструкции были отражены 4 наиболее существенные с точки зрения Скарбовой комиссии ВКЛ положения, необходимые для улучшения состояния таможенной службы в стране.

Во-первых, констатируя, что доходы от сбора таможенных пошлин занимают важное место в структуре казны Речи Посполитой, Скарбовая комиссия ВКЛ одной из главных своих обязанностей считала работу по усовершенствованию и оптимизации организационной структуры таможенной службы. В документе подчёркивалось, что в связи с ликвидацией в государстве внутренних пошлин возникла необходимость разместить коморы, прикоморки и стражи на границах в наиболее выгодных местах таким образом, чтобы купцы, которые приезжают с товаром либо вывозят его за пределы страны, не могли объехать таможни контрабандными путями, обязательно проходили досмотр и выплачивали пошлину в казну Речи Посполитой.

Во-вторых, поскольку сборы от провоза товаров через таможенную границу должны были взиматься в соответствии с таможенной инструкцией, то суперинтендантам, исходя из личного опыта, поручалось вносить в Скарбовую комиссию свои предложения для совершенствования данного документа. Суперинтенданты также отвечали за то, чтобы в мытных домах имелось в наличии и поддерживалось в порядке все необходимое для проведения профессионального досмотра оборудование: прессы, весы, инструменты для снятия пробы, печати для опечатывания свёртков, штампы для оттиска на товарах и др. Особо подчёркивалось, что на таможнях „нужно вводить и другие порядки, похожие на заграничные”¹⁷.

При изменении места размещения комор и прикоморков необходимо было продавать таможенные дома без ущерба для скарба. В то же время при необходимости организации новых таможенных пунктов на землях, находившихся в шляхетской или церковной собственности, владельцам запрещалось каким бы то ни было способом препятствовать этому процессу.

В-третьих, в данном документе подчёркивалось, что порядок на таможнях зависит от добросовестного исполнения сотрудниками таможенных постов (официалистами) своих служебных обязанностей, от их информированности, от знания необходимых документов, подготовленности к выполнению своих обязанностей, от соблюдения ими исполнительской дисциплины и даже от их внешнего вида.

В-четвертых, для увеличения поступлений в государственную казну от мытных пошлин необходимо было составлять точный учёт купцов, которые проезжали через тот или иной таможенный пункт, с обязательным указанием ассортимента товаров, их количества и внесенной в качестве пошлины суммы с указанием названия монеты, которой уплачивалась пошлина.

---

¹⁷ Ibidem, l. 204.

Таким образом, комиссары Экономической Рады литовского скарба поручили своему коллеге Е. Лепарскому непосредственно на месте („на грунте”) провести ревизию комор, решить высказанные в 4-х вышеназванных положениях проблемы, провести проверку справедливости жалоб лиц, провозящих грузы и товары через зону таможенного контроля на границе с Пруссией и Курляндией, на злоупотребления официалистов и представить в Скарбовую комиссию своё мнение по этим вопросам („рефлексию”), чтобы комиссия могла принять обоснованное соответствующее решение.

А именно, Ежи Лепарскому предписывалось в сопровождении скарбовых солдат объехать все определенные ему коморы, прикоморки и стражи в зоне таможенной границы ВКЛ с Пруссией и Курляндией и высказать свои предложения по целесообразности их расположения с точным описанием их размещения и границ. В случае, если он окажется на коморе или прикоморке, где недавно прошел досмотр какой-либо купец, то Е. Лепарский получал право при возможности вернуть такого купца, провести повторный досмотр для того, чтобы выяснить правильность работы служащих, их честность, порядочность и верность скарбу¹⁸. Как люстратор он должен был сравнить реальное положение вещей с тем, что официалисты записывали в отчётах, а также особое внимание обратить на все бухгалтерские документы и наличие денег в кассе.

Е. Лепарскому были предоставлены широкие полномочия: он мог принимать экзамен у служащих таможен на соответствие их занимаемой должности, указывать на совершенные ими ошибки, учить. Тех же, которые не захотят учиться, или будут замечены в каких-либо фальсификациях или обмане, рассчитать со службы, описав все недостатки в их работе, и назначить на их место других¹⁹.

Ему также поручалось сделать по возможности наиболее подробное описание месторасположения каждой коморы, относящихся к ней прикоморков, оберстражей и стражей. Он должен был проанализировать организацию их работы, с целью определения оптимального количества служащих в них — таможенных официалистов, пеших и конных стражников и солдат. Прделанное он должен был вносить в своего рода подробный дневник, чтобы комиссары Скарбовой комиссии имели развернутую информацию для принятия необходимых обоснованных эффективных решений.

О самом Ежи Лепарском известно немного. Как отмечал в своем исследовании Ст. Костялковский, свою политическую карьеру он начал как подстолий Упитского повета, позднее получил должность подкомория, был избран послом на Конвокационный и Элекционный сеймы 1764 г., являлся

¹⁸ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 112, l. 206 v.

¹⁹ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 112, l. 207.

сторонником „Фамилии”²⁰. В период с 1766 г. по 1776 г. Ежи Лепарский был комиссаром Скарбовой комиссии. Ст. Костялковский охарактеризовал его деятельность следующим образом: „Не вмешивался в дела большой варшавской сеймовой политики, вместе с тем, возложенные на него комиссарские функции исполнял старательно, на сессиях отсутствовал редко, в отсутствие подскарбия и сенаторов часто председательствовал на заседаниях, особенно во время делегационного сейма 1773—1775 гг., когда подскарбий и сенаторы больше уделяли внимания сейму, чем Комиссии и скарбу... Из всех комиссаров Скарбовой комиссии Лепарский проявлял наибольшее усердие, при этом был предприимчивым и мобильным, а дела государственного скарба не просто принимал близко к сердцу, а профессионально их решал”²¹.

Как свидетельствует содержание изученных нами документов, выбор Скарбовой комиссии ВКЛ кандидатуры на должность люстратора коморка оказался очень удачным, поскольку работа Е. Лепарским была проведена тщательно и профессионально. Уже 13 марта 1769 г. он направил в Скарбовую комиссию первый подробный отчет о состоянии дел на Вежболовской коморе, состоящий из 34 пунктов, в котором были вскрыты многочисленные факты нарушений таможенного устава со стороны официалистов данной коморы²². „Прибыв на Вежболовскую комору, [я] не застал там суперинтенданта Яцынича, который находился недалеко от Вежболова и, получив известие о [моём] присутствии, пан суперинтендант не поспешил на комору, а прибыл только через день в 10 часов утра. В скарбовом доме обнаружил двух писарей: один из них, пан Юргашко, — писарь данной коморы, другой, Обуховский, — Карклупянского прикоморка. Оба пьяные”²³.

Другим серьёзным нарушением инструкций Скарбовой комиссии и принесенной таможенными официалистами присяги, вскрытым Е. Лепарским в первый же день своего пребывания на Вежболовской коморе, было надлежащее ведение таможенных книг. Люстратор докладывал Скарбовой комиссии о том, что обнаружил полный беспорядок в книгах таможенной регистрации: в них неделями не записывались факты проезда купцов с товаром, данные о перевезенных через коморы товарах были „записаны на шпаргалках и разбросаны по лавкам”²⁴, а в некоторых книгах регистрации, по словам Е. Лепарского, „так трудно было найти концы, как в неизвестном лесу без проводника попасть в назначенное место”²⁵.

²⁰ S. Kościelkowski: *Antoni Tyzenhauz...*, T. 2, s. 136—137.

²¹ *Ibidem*, s. 138.

²² LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 996, l. 443—456.

²³ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 996, l. 443.

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ *Ibidem*, l. 449 v.

Е. Лепарский выяснил, что такое отношение к ведению документации использовалось суперинтендантом в личных целях. Так, среди разбросанных бумаг люстратор обнаружил собственноручную запись суперинтенданта о прохождении через комору пять недель назад подвод пана Моравского в Кенигсберг с указанием количества перевозившихся на них соли, селёдки, железа. На вопрос Лепарского: „Сколько было заплачено пошлины и почему нет записи в реестре?“, суперинтендант ответил, что подводы должны были идти, но не проходили. Посыльный, который был отправлен к пану Моравскому для выяснения данного инцидента, сообщил, что пан Моравский все же пересекал границу с товаром и уплатил в скарб 18 польских злотых²⁶, что косвенно свидетельствовало о присвоении суперинтендантом данной суммы.

В ходе проведения более детального изучения работы официалистов Вежболовской коморы Е. Лепарским были вскрыты и другие нарушения. „На коморе существует правило, когда людей из одной деревни, более десяти, а то и более двадцати человек, которые едут за границу с зерном, не записывают в книге регистрации каждого отдельно, а как одного человека с соседями, и выдают одну квитанцию, что приводит к уменьшению дохода”²⁷. Е. Лепарский распорядился расставить по всей границе скрытые стражи для сверки квитов, в результате чего обнаружили еще и факты выдачи писарями некоторых прикоморожков недействительных квитанций на сумму 37 злотых польских 15 грошей $\frac{2}{3}$ шеляга, которую они присвоили себе²⁸.

За шесть недель работы Е. Лепарского на Вежболовской коморе им были рассмотрены 78 жалоб купцов на таможенных официалистов, вскрыты и зафиксированы факты нарушений со стороны служащих, а также предприняты неотложные меры по наведению порядка.

Так, был освобожден от занимаемой должности суперинтендант Яцынич, который, в соответствии с характеристикой люстратора, не был „ни преданным скарбовой службе, ни усердным в выполнении своих обязанностей”²⁹, а именно:

- стражников привлекал больше для своих потребностей, чем для выполнения государственных служебных обязанностей;
- под угрозой конфискации товара или усложнения процедуры пересечения границы вымогал от купцов взятки;
- каждый месяц набирал новых стражников, а старых увольнял и присваивал себе их зарплату³⁰;

²⁶ Ibidem, l. 443.

²⁷ Ibidem, l. 444 v.

²⁸ Ibidem.

²⁹ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 996, l. 448.

³⁰ Ibidem, l. 444.

- находящиеся в его подчинении мытные пункты фактически не были приспособлены для досмотра товара и объективного взимания пошлины (как отмечал Е. Лепарский, в них отсутствовало даже самое элементарное оборудование — весы, которые имелись только на одном Яловском прикоморке³¹);
- его подчиненные не соблюдали правил служебной этики (на мытных официалистов было подано много жалоб (даже со стороны прусского посла Бенуа!) на то, что они „обижают купцов, бьют их, обзывают и обворовывают”³²) и др.

Суперинтендант не исполнял и своей главной обязанности — не контролировал вверенные ему прикоморки и стражи и за 4 года работы объехал их только один раз — в 1768 г.

В этой связи интересным представляется тот факт, что контрарегистрант Литовской репартиции пан Иоахим Кмита в своем Мемориале Скарбовой комиссии ВКЛ от 19 июня 1767 г. (за два года до проведения данной люстрации) называл фамилию суперинтенданта Вежболовской коморы Яцынича в числе тех официалистов, которые „тщательно и добросовестно исполняют свои обязанности”, и просил Комиссию назначить ему денежное вознаграждение и оставить для дальнейшей службы³³. Можно высказать предположение, что многочисленные жалобы на суперинтенданта и других официалистов Вежболовской коморы, а также факты нарушений, которые имели место даже во время нахождения там Е. Лепарского, в определенной степени свидетельствуют о сложившейся на коморе системе злоупотреблений со стороны служащих и при этом об уверенности их в своей безнаказанности и отсутствии внешнего контроля.

Пользуясь правом, предоставленным ему Скарбовой комиссией и зафиксированным в Инструкции от 11 января 1769 г., Е. Лепарский временно назначил суперинтендантом Вежболовской коморы писаря Щеберской коморы пана Скильского с оговоркой, „если после проверки таможенных книг за 1767—1768 гг. пан Скильский ничего не будет должен казне, то останется при исполнении функции суперинтенданта. Если же окажется должен казне, то думаю отдать это суперинтендантство пану Ходаковскому, обозному Волковысского повета”³⁴. При этом он подчеркнул, что окончательное решение по данному вопросу должна принять Скарбовая комиссия („достоин ли пан Яцынич похвалы или выговора и должен ли быть вызван на суд Скарбовой комиссии или нет”³⁵).

³¹ Ibidem, l. 450 v.

³² Ibidem, l. 459 v.

³³ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 112, l. 59—59 v.

³⁴ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 996, l. 448 v.

³⁵ Ibidem, l. 451.

За чрезмерное пьянство от занимаемых должностей также были освобождены уже упоминаемые два писаря (Юргашко и Обуховский) и несколько стражников.

Как комиссар Скарбовой комиссии Е. Лепарский должен был присутствовать на её плановых заседаниях — каденциях, однако работа по люстрации комор его очень захватила. Выявив существующие недостатки в работе мытной службы, он увидел реальную возможность улучшить положение, навести порядок и тем самым увеличить денежные поступления в казну. Е. Лепарский обратился в Скарбовую комиссию с просьбой о возможности своего отсутствия на ближайшей июньской каденции, объяснив это необходимостью поездки в Пруссию для изучения местного опыта организации таможенной службы, а также с целью покупки необходимого оборудования (весов, прессов и др.) и найма людей для работы на данном оборудовании. Такие люди, по мнению Е. Лепарского, должны будут принести казне двойную пользу: с одной стороны, они будут профессионально выполнять свои служебные обязанности, с другой — переводить суперинтендантам содержание заграничных квитанций (ауштуков). При этом он подчеркнул, что для казны их услуги не будут стоить дорого, поскольку запаковывание товаров на таможах оплачивается непосредственно самими купцами³⁶.

Такое разрешение Скарбовой комиссии Е. Лепарский получил, выехал в Кенигсберг, где 11 мая 1769 г. заключил соглашение с прусским директором мытных пошлин господином Мануэром о совместной деятельности в таможенном деле в интересах обоих государств. В нем описывались способы составления перечня товаров (в том числе рассматривался вопрос о возможности делать это на двух языках), пломбировки пакетов, определения наиболее оптимальных мест для организации новых таможенных пунктов и др.³⁷. Особенно важным было положение, в соответствии с которым предполагалось возвращать купцов на свои коморы для уплаты „промыта” (специального штрафа) в случае, если они, пройдя контрабандными путями, окажутся на территории сопредельного государства без ауштука — обязательного документа, выдаваемого на коморах и содержащего точное описание товаров и суммы заплаченной за их провоз пошлины. Таким образом таможенные официалисты могли оказать друг другу взаимную помощь в борьбе с контрабандистами.

16 мая 1769 г. данное соглашение было направлено в Берлин на согласование, и в своём донесении в Скарбовую комиссию от 25 мая 1769 г. Е. Лепарский отмечал, что „господин Мануэр дал мне надежду на успех в нашем деле”³⁸. Однако реакция официального Берлина на него пока неизвестна.

³⁶ Ibidem, l. 450—450 v.

³⁷ Ibidem, l. 457—458.

³⁸ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 996, l. 461 v.

Вернувшись из Кенигсберга, Е. Лепарский продолжил выполнение возложенных на него обязанностей по люстрации комор (Юрборской, Жагорской, Биржанской, Палангской). К концу 1769 г. ревизия была завершена. 8 декабря 1769 г. Е. Лепарский отправил донесение в Скарбовую комиссию ВКЛ, в котором коротко подвел итоги проделанной им работы, подчеркнув, что осуществлялась она в условиях внутреннего беспокойства в государстве, а также осложнялась и даже на некоторое время прерывалась в связи с ухудшением здоровья самого люстратора³⁹.

Люстрация комор Великого Княжества Литовского на границе с Пруссией и Курляндией, проведенная в 1769 г. заинтересованным лицом — комиссаром Скарбовой комиссии — имела большое значение для процесса их реорганизации с целью повышения эффективности работы и увеличения доходов казны.

Во-первых, Е. Лепарским было составлено подробное описание размещения таможенных пунктов (комор, прикоморков, оберстражей и стражей) с указанием расстояния от одного поста до другого и чётким обозначением основных дорог, а также контрабандных („промытных”) путей. Лесистая и заболоченная местность на границе ВКЛ с Пруссией и Курляндией создавала реальные возможности для объезда мытных постов и провоза товара без уплаты пошлины. Так, только на территории Жагорской коморы Е. Лепарским были обнаружены 37 „промытных” дорог⁴⁰ и 24 — на территории Биржанской коморы⁴¹.

Одним из главных итогов работы Е. Лепарского по люстрации комор было оформление ряда карт, на которые были нанесены таможенные посты, населенные пункты, корчмы, мельницы, плотины и дороги (обычные и контрабандные). К сожалению, не удалось найти оригиналов этих карт, но в своем донесении в Скарбовую комиссию от 8 декабря 1769 г. Е. Лепарский подчеркнул, что „дороги нанесены на карту так точно, что даже если никогда в той местности не был, то складывается такое впечатление, что сам там был”⁴². Такая карта, с его точки зрения, должна была играть роль путеводителя для скарбовых официалистов, особенно для новоназначенных.

Во-вторых, исходя из анализа реальной ситуации и на основании полномочий, предоставленных Е. Лепарскому Скарбовой комиссией ВКЛ, он провел оптимизацию размещения таможенных пунктов. Так, например, Новомейский прикоморок, который относился к Вежболовской коморе, в 1768 г. контрарегистрантом Иоахимом Кмитой был присоединен к Юрборской коморе, полагая, что это принесет больше пользы государственной казне. Од-

³⁹ Ibidem, l. 442.

⁴⁰ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 1094, l. 24—34.

⁴¹ Ibidem, l. 1—11.

⁴² LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 996, l. 442.

нако, уже 19 апреля 1769 г. Лепарский отметил, что получилось больше вреда, чем пользы, и отдал распоряжение вернуть названный прикоморок в состав Вежболовской таможни⁴³. Он объяснял это тем, что Новомейский прикоморок расположен всего в 2-х милях от Вежболова, а от Юрборка — почти в 6-ти милях, поэтому управление им с Вежболовской коморы будет более рациональным.

Кроме того, по сложившейся традиции торговцам предписывалось не только ездить по строго обозначенным трактам и „новых дорог не пролагать”, но соблюдать правило, по которому купцы того или иного города должны были пользоваться определенным путем⁴⁴. Изменение подчиненности Новомейского прикоморка внесло некоторую неразбериху в данный процесс, когда купцы, которые обычно проходили досмотр на Юрборской коморе, объезжая её, стали направляться в Новое Место, туда же приезжали и торговцы, которые традиционно проходили досмотр на данном прикоморке. Пропускная способность Новомейского прикоморка была значительно ниже, чем количество желающих пройти досмотр, в результате часто происходило скопление купцов с товаром и создавалась очередь. Поэтому Е. Лепарский в Инструкции для Вежболовской коморы чётко прописал, что купцам из Волковыска, Липнишек, Олькеник, Кальварии, Желудка, Любчи, Новогрудка, Минска, Радуня, Меречи и Мира запрещается сворачивать с пути и ехать на Новомейский прикоморок, а только на комору. Разрешалось проходить досмотр на данном прикоморке купцам из Вилькомирского, Упитского, Ковенского поветов и Жмудского княжества, у которых Новое Место лежало на тракте⁴⁵. Лепарским была определена и степень ответственности купцов за нарушение этой инструкции: первый раз повозки таких купцов будут опечатаны и в сопровождении стражника доставлены на Вежболовскую комору; при повторном появлении на Новомейском прикоморке купец должен будет заплатить штраф; в третий раз весь товар будет конфискован⁴⁶.

Привлекательность Новомейского прикоморка в среде купцов объяснялась ещё и тем, что по пути к скарбовому дому, не заезжая в него, можно было сбыть товары в ближайшей корчме без уплаты пошлины. Такая практика стала настолько распространенной, что Е. Лепарский составил план Нового Места с указанием расположения данной корчмы и контрбандной дороги, по которой купцы объезжали скарбовый дом, и приложил его к одному из своих отчетов в Скарбовую комиссию (рис. 1).

⁴³ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 988, l. 42.

⁴⁴ М.В. Доўнар-Запольскі: *Дзяржаўная гаспадарка Вялікіга Княства Літоўскага пры Ягелонах*. Мінск 2009, с. 438—439.

⁴⁵ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 988, l. 43 v.

⁴⁶ Ibidem, l. 44.

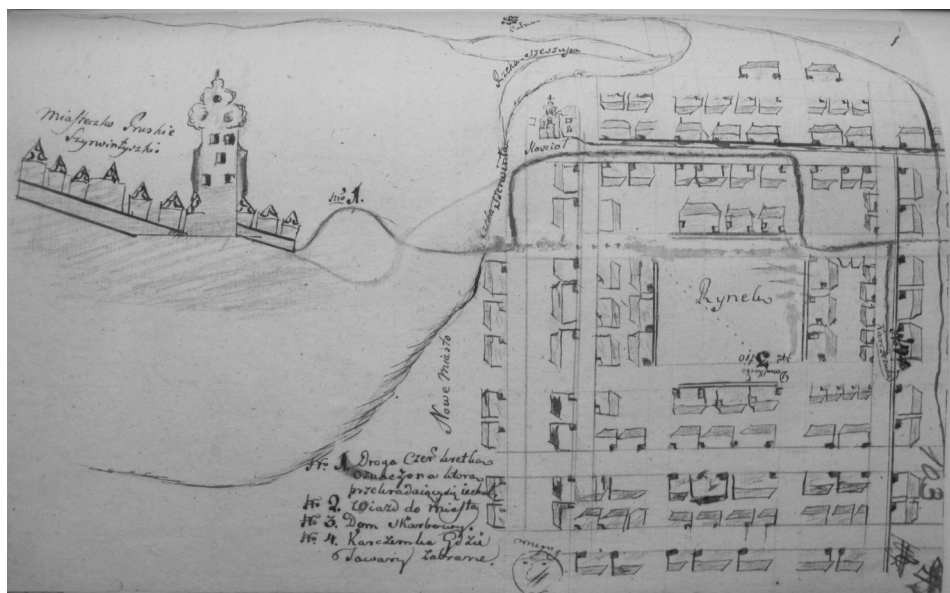

Рис. 1. План Нового Места, где размещался прикоморок Вежболовской коморы, с обозначением контрабандного пути, по которому кушцы перевозили товары из Пруссии. Источник. LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 998, l. 103.

Также, Е. Лепарский принял решение о переносе Биржанской коморы в Кветки, обосновав это тем, что Биржи находятся на расстоянии трёх больших миль от курляндской границы и трактом из Бирж в Митаву или Ригу мало кто ездит. В результате доход коморы небольшой, а положенный штат необходимо содержать. Вместе с тем, прикоморок Кветки расположен в выгодном для пересечения границы месте: в Кветках соединялись две большие торговые дороги (гостинца) из Вилькомирского повета, которые вели в Ригу, а также в округе имелось значительное количество контрабандных путей, для охраны которых государство вынуждено было оплачивать работу 5 стражников. Единственное место, где можно было бы объехать Кветковскую комору, — мельница над р. Неменкой в д. Гоцаны в четверти мили от Кветок. Поэтому люстратор предлагал на дороге возле мельницы поставить шлагбаум, который ночью будет закрываться на замок мельником или служащими коморы. Таким образом, Е. Лепарский доказывал Скарбовой комиссии, что смена таможенного статуса Биржей и Кветок приведёт к более эффективной их работе и экономии государственных средств на зарплату служащим на сумму 59 польских злотых 10 грошей ежемесячно⁴⁷.

⁴⁷ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 1094, l. 4—9 v.

В местах наибольшего количества контрабандных путей он предлагал увеличить стражи и оберстражи, а при наличии на таких путях корчем таможенные пункты перенести туда. Необходимо подчеркнуть, что в представленных Лепарским документах все предложения по изменению размещения таможенных пунктов на границе с Пруссией и Курляндией имели доказательство рациональности.

В-третьих, для служащих Жмудской репартиции „от низшего ранга до высшего” Е. Лепарский разработал специальную инструкцию, в которой подробно описывались правила работы таможен, обязанности официалистов, порядок таможенного досмотра, оформления и взимания пошлины⁴⁸.

Содержание данной инструкции свидетельствует о том, что при ее составлении Е. Лепарский исходил из необходимости устранения недостатков, выявленных им во время ревизии. Так, особое внимание в инструкции было акцентировано на тщательном ведении таможенных книг, чтобы сведения о таможенном досмотре „записывались не на шпаргалках, как это было до недавнего времени, а в учётных книгах, и чтобы каждый купец имел таможенную квитанцию”⁴⁹. В этой связи Е. Лепарский подчеркивал, что все таможенные служащие должны быть грамотными и что даже на должности оберстражников и стражников могут быть взяты только те, кто умеет читать и писать. Исключение было сделано лишь для оберстражника Хомича, который был предан скарбу, безукоризненно исполнял свои функции, а для составления реестров имел специального человека, оплачивая его услуги за собственный счет⁵⁰.

Ещё одним важным аспектом деятельности комор, который нашел свое отражение в данной инструкции, было решение проблемы, связанной с определением курса разных валют, в которых взималась таможенная пошлина. Как выяснил Е. Лепарский в ходе проведения люстрации комор, ещё одной причиной уменьшения доходов скарба от взимания таможенной пошлины была некачественная заграничная монета, в первую очередь прусские тынфы, которые принимали за перевоз товаров мытные официалисты, зарабатывая при этом на разнице курсов. „Запретить её брать вообще нет никакой возможности по причине недостатка другой монеты”, — отмечал в своем донесении Лепарский. „Однако здесь, на пограничье, можно её использовать для выплаты жалования за службу писарям и стражникам”⁵¹. При этом служащим таможен строго запрещалось самовольно проводить конвертацию денег, они должны были записывать в реестры сумму внесённой пошлины в той монете, которой расплачивались купцы.

⁴⁸ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 988, l. 41—46.

⁴⁹ Ibidem, l. 43.

⁵⁰ Ibidem, l. 42.

⁵¹ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 996, l. 450 v.—451.

Поскольку деньги, полученные от взимания таможенных пошлин, контрагент обязан был сдавать в генеральную кассу в Гродно только раз в полгода, то именно коморы на некоторое время становились основным местом концентрации значительных денежных сумм. Такая ситуация создавала для суперинтендантов благоприятные условия и возможности для злоупотребления своим служебным положением. Поэтому в соответствии с вышеупомянутой инструкцией им категорически запрещалось пользоваться деньгами от уплаты таможенной пошлины, как в личных целях, так и давать их в кредит купцам или другим людям. Более того, в инструкции четко прописывалось, как должен выглядеть таможенный сундук для временного хранения денег. А именно, согласно документу он должен был состоять из двух ярусов. В верхнем ярусе в небольших шуфлядах между перегородками должны были находиться деньги в соответствующей валюте, собранные на таможенных пунктах данной коморы на протяжении месяца. После пересчета и сопоставления их с реестровыми записями, а также выплаты месячного жалования таможенным официалистам, оставшуюся сумму необходимо было переместить в нижний ярус — общую кассу коморы, которая также имела деления для разного вида монет. Предусматривалось, что подобный сундук должен иметь один внутренний замок и два навесных: ключ от внутреннего замка должен был находиться у суперинтенданта, а от навесных замков — у писарей⁵². Таким образом, суперинтендант и писари не могли вскрыть сундук с деньгами независимо друг от друга, что, несомненно, должно было способствовать повышению степени их финансовой ответственности и препятствовать возможности злоупотребления служебным положением.

Помимо того, таможенным официалистам запрещалось брать от лиц, пересекающих границу, всевозможные подарки и денежные „пожертвования”, а также „колядовать” (проводить сбор денег) в деревнях. Е. Лепарский особо подчёркивал, что нельзя принимать на государственные должности людей, не имеющих достаточного имущества и шляхетского поручительства, которые в определенной степени могли бы служить гарантией безопасности и целостности доходов казны⁵³.

В своей работе по люстрации комор на границе с Пруссией и Курляндией Е. Лепарский действовал в общем для того времени русле идей Просвещения. Благодаря распространению этой новой философии одной из особенностей второй половины XVIII в. в истории Речи Посполитой стало осознание частью передовой элиты общества того факта, что перенимать положительный опыт других стран совсем не стыдно, а наоборот, разумно

⁵² LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 988, l. 41—41 v.

⁵³ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 988, l. 42.

и полезно, поскольку „настоящее хозяйство базируется не только на работе рук, но и головы”⁵⁴, поэтому все страны Европы используют лучшие изобретения своих соседей⁵⁵. Как уже отмечалось, в своих донесениях Скарбовой комиссии Е. Лепарский делал акцент на то, что в целях повышения эффективности работы таможен ВКЛ необходимо изучать аналогичный опыт других стран, в первую очередь Пруссии, и по возможности внедрять его в практику своего государства. Именно это было одной из его задач во время поездки в Пруссию весной 1769 г. В результате в инструкции, подготовленной Е. Лепарским для служащих Жмудской репртиции, нашли свое отражение несколько его предложений по усовершенствованию работы таможен с учетом прусского опыта.

Так, например, он настаивал на введении на коморах ВКЛ двух видов железных штампов со скарбовым гербом для опечатывания товаров, которые ввозятся в страну: одни — если данные товары предназначались для продажи, другие — для собственного потребления⁵⁶.

Кроме того, „подобно заграничной процедуре”, Е. Лепарский предлагал сделать и разослать по всем коморам специальные пломбы для пломбировки запакованных товаров тех купцов, которые двигались по территории ВКЛ транзитом. В основном это касалось российских купцов, которые везли в Кенигсберг и Гданьск меха, а обратно — золото, серебро и другие дорогие товары. Е. Лепарский отмечал, что из-под простых печатей такие товары можно просто достать и без оплаты пошлины продавать на торгах и ярмарках. Чтобы этого не произошло, повозки и товары таких купцов должны быть опломбированы, а в таможенной квитанции указано, сколько купец имеет повозок и свертков и сколько пломб поставлено. На последней пограничной коморе пломбы должны быть сняты. В случае если обнаружится их повреждение или количество окажется меньше, чем отмечено в квитанции, то товар такого купца будет конфискован⁵⁷.

В своём донесении Скарбовой комиссии от 8 декабря 1769 г. Е. Лепарский подчеркнул, что предоставит данную инструкцию несколько позже, поскольку отдал ее жмудскому контрарегистранту „переписать себе на другую руку”. Он объяснял это тем, что пока Комиссия будет изучать и редактировать текст инструкции, таможенные официалисты будут иметь чем руководствоваться — именно она станет „проводником” в их службе на благо государства⁵⁸. Кроме

⁵⁴ *O rolnictwie dla wygody gospodarzów w Pawłowie mieszkających*. Wilno 1770, s. 3.

⁵⁵ *Folwark w którym Grunta nie zostawują się nigdy ugorem*. Przełożony na polski język przez X. Grzegorza Książewicza Matem. JW. JX. Biskupa Wilen. W Wilnie w Drukarni J. K. M. Rżpltey Akademickiej Societatis Jesu, 1770, przedmowa.

⁵⁶ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 988, l. 45.

⁵⁷ *Ibidem*, l. 44 v.

⁵⁸ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 996, l. 442 v.

того, служащим таможи ставилось в обязанность ознакомить с соответствующими положениями данного документа тех, кто перевозил товары через границу, чтобы они в случае совершения какого-либо нарушения не могли сказать, что ничего не знали⁵⁹.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что во второй половине XVIII в. Скарбовая комиссия ВКЛ стала основным органом, реализующим государственную экономическую политику на территории Княжества. Реорганизация таможенной службы была одним из направлений ее деятельности с целью увеличения доходов в казну. Для этого Скарбовая комиссия искала наиболее эффективные пути, проводила новые мероприятия, для исполнения которых привлекала ответственных и квалифицированных людей. Примером этому может служить люстрация комор на границе Пруссии и Курляндии, проведенная в 1769 г. комиссаром Скарбовой комиссии ВКЛ Ежи Лепарским.

Очевидно, что в своей деятельности Е. Лепарский пошел значительно дальше возложенных на него обязанностей. Его работа свидетельствовала о формировании в ВКЛ нового типа государственного чиновника — инициативного, способного брать на себя ответственность и принимать важные решения. Результаты проведенной им в 1769 г. первой в ВКЛ люстрации комор, а также его наблюдения и предложения явились для Скарбовой комиссии отправным пунктом при осуществлении ряда мероприятий с целью повышения эффективности работы всей государственной таможенной службы.

На основе изучения широкого круга архивных источников, хранящихся в фонде Скарбовой комиссии ВКЛ Государственного исторического архива Литвы (г. Вильнюс), в статье анализируются мероприятия и результаты таможенной люстрации (ревизии) 1769 г. на границе с Пруссией и Курляндией, которая не получила освещения в историографии.

Данная люстрация является первым известным мероприятием подобного рода в отношении таможенной службы ВКЛ. Ее проведение было инициировано Скарбовой комиссией ВКЛ — специальным государственным органом по контролю за экономическим развитием государства, в функции которого, в том числе, входило не только общее руководство таможенной службой, но и такая ее организация, которая бы являлась наиболее эффективной и содействовала увеличению доходов скарба.

Непосредственно проведение ревизии осуществлялось комиссаром Скарбовой комиссии ВКЛ, подкоморием Упитского повета Ежи Лепарским в соответствии со специальной инструкцией от 11 января 1769 г. Лепарскому предписывалось в сопровождении скарбовых солдат объехать все определенные

⁵⁹ LVIA, f. 11, ap. 1, bib. 988, l. 45.

ему коморы, прикоморки и стражи в зоне таможенной границы ВКЛ с Пруссией и Курляндией и высказать свои предложения по целесообразности их расположения с точным описанием их размещения и границ.

В ходе работы Лепарским были вскрыты факты нарушений и злоупотреблений со стороны служащих таможен, наиболее распространенными из которых были пьянство, использование казенных денег в личных целях, отсутствие порядка в таможенных книгах, превышение полномочий официалистов при проведении таможенного досмотра и др.

Е. Лепарский провел оптимизацию размещения таможенных пунктов, составил подробное описание комор, прикоморков, оберстражей и стражей с указанием расстояния от одного поста до другого и четким обозначением основных дорог, а также контрабандных („промытных“) путей. На основании данного описания были составлены карты, на которые были нанесены таможенные посты, населенные пункты, корчмы, мельницы, плотины и дороги (обычные и контрабандные).

Лепарский разработал специальную инструкцию, в которой подробно описывались правила работы таможен, обязанности официалистов, порядок таможенного досмотра, оформления и взимания пошлины.

Таким образом, результаты проведенной Е. Лепарским в 1769 г. первой в ВКЛ люстрации комор, а также его наблюдения и предложения явились для Скарбовой комиссии отправным пунктом при осуществлении ряда мероприятий с целью повышения эффективности работы всей государственной таможенной службы.

Irina Kiturko

The 1769 Customs Control on the Prussia — Courland Border Conducted by the Treasury Committee of the Grand Duchy of Lithuania (GDL)

Summary

Based on a query conducted in the Lithuania National Historical Archive in Vilnius (materials of the Treasury Committee of the Grand Duchy of Lithuania), the author analyzes the methods and results of a customs control on the Prussia — Courland border in 1769, something not described in historiography thus far.

The control in question is the first known instance of such undertaking by the customs control of the GDL. The creation of the customs control has been initiated by the Treasury Committee of the Duchy — a special organ overseeing the economical development of the country. The Committee's competence included the general administration of the customs organs and their coordination in order to contribute towards the increase in the country's income in the most effective manner possible.

The direct control has been conducted by the commissioner of the GDL Treasury Committee, the chamberlain of the Upytė district — Jerzy Leniarski, according to special instructions dated January 11th, 1769. Lenarski and his military unit were to visit all customs posts and chambers in the GDL Prussia — Courland customs zone and remit his propositions on their location, with a detailed description of the propriety of their location and territorial scope.

During his visitation, Leniarski observed many examples of law abuse and breach of work discipline by the treasury officials, the most widespread of which were drunkenness, using public funds for private purposes, disorder in customs books, breaching the officials' jurisdiction during customs controls, and others.

Jerzy Leniarski conducted an optimization of the location of customs offices, drew up a detailed characteristic of customs posts and chambers, oberguards and guards, presenting the distances between posts and clearly indicating the main public roads, as well as smuggling trails. Based on detailed descriptions, maps were drawn up, indicating the location of customs posts, settlements, inns, mills, dams, and roads (regular and smuggling ones).

Lenarski also devised a special instruction, in which he described in detail the work rules for customs posts, the responsibilities of the officials, the course of customs control, and the form of and basis for charging customs fees.

Irina Kiturko

Kontrola celna 1769 roku na granicy Prus i Kurlandii przeprowadzona przez Komisję Skarbową WKL

Streszczenie

Na podstawie kwerendy przeprowadzonej w Państwowym Archiwum Historycznym Litwy w Wilnie (materiały Komisji Skarbowej Wielkiego Księstwa Litewskiego — WKL) autorka analizuje środki i rezultaty kontroli celnej na granicy z Prusami i Kurlandią w 1769 roku, co dotychczas nie zostało opisane w historiografii.

Omawiana kontrola jest pierwszym znanym przedsięwzięciem tego rodzaju w przypadku służby celnej WKL. Jej powstanie było zainicjowane przez Komisję Skarbową Księstwa — specjalny organ państwowy nadzorujący rozwój ekonomiczny kraju. Do kompetencji tej komisji należało m.in. ogólne kierownictwo organami celnymi i taka ich organizacja, by jak najefektywniej przyczyniały się do zwiększenia dochodów skarbu państwa.

Bezpośrednio kontrolę przeprowadzał komisarz Komisji Skarbowej WKL, podkomorzy powiatu upickiego — Jerzy Lenarski, zgodnie ze specjalną instrukcją z 11 stycznia 1769 roku. Lenarski miał objechać z żołnierzami wszystkie komory i posterunki celne w strefie granicy celnej WKL z Prusami i Kurlandią oraz przekazać swoje propozycje odnośnie do ich rozlokowania, ze szczegółowym opisem celowości ich rozmieszczenia i zasięgu terytorialnego.

W trakcie objazdu Lenarski zaobserwował wiele przypadków nadużyć i naruszenia dyscypliny pracy przez urzędników skarbowych, z których najbardziej rozpowszechnione było pijaństwo, wykonywanie pieniędzy publicznych w celach prywatnych, nieporządek w księgach celnych, przekroczenie pełnomocnictw przez urzędników w trakcie przeprowadzania kontroli celnej i inne.

Jerzy Lenarski przeprowadził optymalizację rozmieszczenia punktów celnych, sporządził szczegółową charakterystykę komór i posterunków celnych, oberstraży i straży z ukazaniem odległości między posterunkami i wyraźnym zaznaczeniem głównych dróg publicznych, a także szlaków prze-

mytniczych. Na podstawie poszczególnych opisów sporządzono mapy, na które naniesiono posterunki celne, miejsca zasiedlone, karczmy, młyny, tamy i drogi (zwykłe i przemytnicze).

Lenarski opracował także specjalną instrukcję, w której szczegółowo opisał zasady pracy posterunków celnych, obowiązki oficjalistów, przebieg kontroli celnej, formy i podstawy pobierania opłat celnych.

Rezultatem przeprowadzonej w 1769 roku przez Jerzego Lenarskiego pierwszej w WKL lustracji komór, a także jego obserwacje i propozycje były dla Komisji Skarbowej podstawą dla urzeczywistnienia wielu przedsięwzięć mających na celu podwyższenie efektywności pracy całej państwowej służby celnej.